№ 105
9.47
Б.33

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц520
Р277

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

BO

№ 3405
№ 3405
9.47
Б.33

CKS DE St. PETERSBOURG
Par Z. Ralli.

4620
Р277

БАШИ-БУЗУКИ ПЕТЕРБУРГА

СУДЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОВѢСТИ

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

CAROUGE-GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1897

№ 3405
Рамп. З.К.

БАШИ-БУЗУКИ ПЕТЕРБУРГА

ЦБ 20
Р 277

и

СУДЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОВѢСТИ

БИБЛИОТЕКА
(ЦКВК.П.б)
ИСТПАРТА.
9.47
8.33
31

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

CAROUGE-GENÉVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1897

2экз

К.

ЦБ 20
Р 277

Библиотека ИМЭЛ
~~186~~ ~~36~~ Ц11075у

2011
У 83

ТЮРЕМНОЕ ПОБОИЩЕ

БИБЛИОТЕКА (Ц.К.В.К.П.Б.) ИСТПАРТА

I.

13-го іюля 1877 года, утромъ, выходныя ворота внутренняго (мужскаго) двора Дома Предварительнаго заключенія отворились шире обыкновеннаго и во дворѣ появился генералъ Треповъ съ приличною его званію свитой. Онъ сталъ обходить слѣва (глядя отъ воротъ) стойла того колесообразнаго деревяннаго загона, который построенъ среди двора для „прогулки“ одиночныхъ заключенныхъ. На встрѣчу ему попались трое политическихъ арестантовъ: Петропавловскій, Боголюбовъ и Кадьянъ. Поровнявшись съ Треповымъ они приподняли шапки и намѣрены были пройти мимо. Треповъ остановился и, глядя въ пространство, закричалъ управляющему: „зачѣмъ они вмѣстѣ гуляютъ? вы должны наблюдать, чтобы они ходили одинъ за другимъ“... и что-то еще, что трудно было разобрать. Управляющій перетрусилъ, сталъ бормотать какой-то вздоръ, держа руку у козырка фуражки. Стало ли Боголюбову жаль униженной фигуры управляющаго и онъ думалъ дать ему возможность выпутаться, или по какимъ либо другимъ, столь же безобиднымъ побужденіямъ, но

что политическихъ „проберутъ“, не глядя ни на что, или по какимъ инымъ побужденіямъ. Предоставляю каждому, не утратившему человѣческаго образа, представить себѣ, каково должно быть состояніе людей, запертыхъ въ прочныя клѣтки въ качествѣ обвиняемыхъ въ беззаконіи, имѣющихъ быть осужденными или уже осужденныхъ въ каторгу и ссылку за то, что они возстали противъ произвола, несправедливости и варварства, и на глазахъ которыхъ, представители этого самого осужденія — яко бы за беззаконіе — нагло попираютъ человѣческую личность и справедливость, и даже ими же самими изданный законъ! Шумъ поднялся невообразимый: одни, внѣ себя, кричали и колотили по подоконникамъ; другіе били посуду и стекла, выламывали фортки въ дверяхъ; третьи просто стучали въ дверь ногой *).

Тогда началась общая расправа. Тюремное начальство, собравъ шайку надзирателей, вольнонаемныхъ служителей изъ отпускныхъ и отставныхъ солдатъ, (ихъ дѣло разносить покупки, заказной обѣдъ, работать въ лазаретѣ и т. п.) и прихвативъ съ улицы здоровенныхъ полицейскихъ гайдуковъ, пошло

*) Обвиняемый Купріяновъ подалъ на имя министерства юстиціи заявленіе, въ которомъ сообщилъ, что 13 іюля 1877 г. онъ, Купріяновъ, изъ окна своей камеры обругалъ бывшаго во дворѣ генералъ-адъютанта Трепова «опричникомъ» и «мерзавцемъ», о каковомъ его, Купріанова, «преступномъ дѣяніи» и вызвавшихъ его причинахъ и проситъ г-на министра назначить слѣдствіе.

по корридорамъ, по временамъ останавливаясь у того или другого № для расправы. Нѣкоторыхъ увели въ карцеръ хитростью; вообще же полицейскимъ отданъ былъ приказъ бить; а чтобы отнять у избиваемыхъ возможность жаловаться, городовымъ велѣно оставить бляхи въ конторѣ. Какъ происходила эта расправа, будетъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ: описать всего невозможно.

Ковалевъ, осужденный по „Московскому дѣлу“, сидѣлъ въ камерѣ, когда къ нему ввалилось, подъ предводительствомъ помощника управляющаго Константиновскаго, человѣкъ 15 гайдуковъ; при этомъ надзиратель Борисовъ закричалъ: „что это, французскую революцію поднимаете?“ (Ковалевъ, надо замѣтить, разбилъ оконную раму и вышибъ дверную форточку). Ковалевъ объяснилъ какъ слѣдуетъ причину „революціи“. — „Идите въ карцеръ!“ — „Ладно“, сказалъ Ковалевъ и влѣзъ на окно, желая крикнуть товарищамъ, что его уводятъ. Окна одиночныхъ камеръ на 2 аршина отъ полу. Ковалева схватили за ноги, сбросили на полъ и стали бить. Первый ударъ былъ нанесенъ въ лицо, именно по очкамъ, которыя, конечно, были разбиты, отчего главнымъ образомъ пострадалъ лѣвый глазъ. Били по головѣ, по груди, топтали ногами; но тутъ ужъ Ковалевъ впалъ въ обморокъ, — нанося удары, ему закрыли носъ и ротъ, чтобы не кричалъ. Изъ кар-

цера Ковалевъ требовалъ къ себѣ доктора, но послѣдняго позвали не ранѣе трехъ дней; быть можетъ для того, чтобы дать время исчезнуть наглядным доказательствамъ истязаній. Однако и по осмотрѣ докторомъ Ковалевъ оказался весь въ синякахъ; бѣлокъ лѣваго глаза темно-багроваго цвѣта и вокругъ глаза страшный кровавый подтекъ. На рубашкѣ и штанахъ Ковалева оказалась въ большомъ количествѣ запекшаяся кровь. Онъ освобожденъ изъ карцера 17 числа, по требованію врача, прокуратурой, помимо тюремной администраціи, и помѣщенъ въ лазаретѣ. По освобожденіи Ковалеву заявили, что срокъ заключенія въ карцерѣ еще не кончился и ему нужно просидѣть еще сутки; когда Ковалевъ (17-го числа) сталъ разсказывать товарищамъ о своемъ истязаніи, старшій надзиратель замѣтилъ ему, что онъ „не имѣетъ права“ это разсказывать и что „это ему не поможетъ“.

Обвиняемый Сергѣй Голоушевъ мылъ руки въ то время, когда къ нему ворвалась толпа гайдуковъ съ дежурнымъ помощникомъ Кудасовымъ во главѣ. Голоушевъ было началъ: „ведите меня скорѣе къ управляющему“ — но Кудасовъ съ разъяренной физіономіей не далъ ему выговорить слова и закричалъ: „тащи его“. Голоушевъ попробовалъ, было, сказать, что онъ и самъ пойдетъ, и освѣдомиться, зачѣмъ и куда его тащатъ? Отвѣтъ былъ одинъ:

„тащи!“ — Все это произошло очень быстро. Голоушева схватили за руки и потащили. Въ дверяхъ кто то ударилъ его раза два. Голоушевъ закричалъ: „Зачѣмъ же меня бить?... Братцы! меня бьютъ, Голоушева бьютъ“! Но сзади кто то скомандовалъ: „голову ему завязать“! Голоушеву накинули что то черное на голову, закрутили наглухо и поволокли по лѣстницамъ. Раза два или три „усмиряемый“ падалъ, чуть не задохнулся, просилъ воздуху. Въ отвѣтъ слышалось только: „живъ будетъ“, „тащи“ и т. п. а въ то же время сыплются удары, причемъ каждый норовилъ ударить въ самое чувствительное мѣсто, напр. по позвоночному столбу, подъ сердце и т. п. Когда Голоушеву открыли голову (около главнаго поста), по лицу его текла кровь и капала на полъ. Въ такомъ видѣ свели его въ карцеръ. Услыхавъ, какъ сзади одинъ надзиратель упрекалъ другого (шопотомъ): „зачѣмъ же бить, когда человѣкъ даже не сопротивляется“ Голоушевъ обернулся, замѣтилъ его № и сказалъ, что призоветъ его свидѣтелемъ происходившаго; тоже сказалъ еще одному надзирателю и старшему помощнику Побышевскому, котораго увидалъ въ дверяхъ главнаго поста. Затѣмъ обратился къ Кудасову, думая пристыдить послѣдняго: „Вы здѣсь начальствомъ поставлены“. сказалъ онъ, „а вы сами безчинствуете; вы должны удерживать надзирателей, а вы сами натравляете,—

стыдитесь“! Надзиратель стоявшій около дверей, тотчасъ фактически доказалъ наивность его разсчетовъ на чувство стыда въ опричникахъ: „ничего, сойдетъ“! замѣтилъ онъ, ухмыляясь. Затѣмъ Голоушевъ уже безъ побоевъ былъ сведенъ въ карцеръ.

Не менѣе возмутительно обращеніе съ обвиняемымъ Волховскимъ. Нужно замѣтись, что Волховскій человѣкъ съ совершенно разбитымъ здоровьемъ: онъ въ тюрьмѣ на половину оглохъ, пріобрѣлъ злѣйшій желудочно-кишечный катаръ, малокровіе, сильное нервное разстройство и т. д. — Изъ 32-хъ лѣтъ своей жизни человѣкъ этотъ проводитъ въ одиночномъ заключеніи уже шестой годъ *). Замѣтьте кромѣ того, что Волховскій пользуется или, вѣрнѣе, пользовался у мѣстнаго начальства репутаціей арестанта „смирнаго“, „разсудительнаго“.

Онъ часто вскакивалъ на окно, чтобы освѣдомиться, что дѣлается на дворѣ, но, по глухотѣ, ничего не могъ разобрать. Вдругъ онъ услыхалъ, что заслонка „іуды“ (стеклышко въ дверяхъ, въ которое всегда можно наблюдать заключеннаго) съ шумомъ отворяется и затворяется. Вслѣдъ за тѣмъ распахивается дверь и вламываются двое полицейскихъ, безъ всякихъ перелиминарій схватываютъ заключеннаго и начинаютъ бить кулаками по головѣ и въ шею,

*) Съ 1868 г. 6 мѣсяцевъ; по нечаевскому дѣлу 2 года и 3 мѣсяца и теперь съ 11 августа 1874 г.

таща въ корридоръ. Въ корридорѣ передъ самою дверью, стоялъ въ приличномъ отдаленіи дежурный помощникъ управляющаго Кудасовъ и глядѣлъ на происходившее; за нимъ стояла цѣлая толпа тюремныхъ надзирателей и служителей, человѣкъ въ 15, тоже пока въ качествѣ зрителей. Будучи застигнутъ въ моментъ сравнительно хладнокровнаго настроенія, Волховскій не оказалъ ни тѣни сопротивленія. Тѣмъ не менѣе побои, сопровождаемые безсмысленными криками полицейскихъ: „двери ломать“! „вотъ мы тебѣ покажемъ, какъ бунтовать“ и т. п. — остановились только тогда, когда Волховскій обратился къ Кудасову и прочей публикѣ съ заявленіемъ о томъ, что всѣ они свидѣтели совершаемаго надъ нимъ насилія. Вялымъ движеніемъ руки Кудасовъ пріостановилъ побои. Волховскій обратился къ нему съ вопросомъ: какъ зовутъ этихъ полицейскихъ? на что Кудасовъ промолчалъ, а одинъ изъ палачей нахальнымъ тономъ человѣка, говорящаго съ цѣлью ничего не сказать, отвѣтилъ: „Ивановъ“. Начались розыски старшаго надзирателя съ ключами отъ карцера, а Волховскаго тѣмъ временемъ повели по направленію къ лазарету, крутя руки и крѣпко держа, хотя онъ и не бѣжалъ, и съ прежними приговорами въ родѣ: „свидѣтели! какіе свидѣтели, когда ты подъ судомъ“! „одинъ закричалъ и всѣ за нимъ“! Завернувъ за уголъ, одинъ изъ полицей-

скихъ не утерпѣлъ, и снова раза три ударилъ Волховскаго. Тоже возобновилось у запертой двери лазарета; но тутъ по крайней мѣрѣ правая рука „усмиряемаго“ была свободна и онъ могъ закрыть голову; въ которую главнымъ образомъ наносились удары. Доведя до двери и узнавъ, что въ этомъ не было смысла, ибо карцеръ уже миновали, галіафы повернули назадъ; тутъ явился старшій надзиратель и объявилъ, что всѣ ближайшіе карцеры заняты. Такъ какъ карцеры всѣ были заняты, Волховскаго повели въ темную, для арестантовъ изъ общихъ камеръ. По осмотрѣ въ тотъ же день старшимъ надзирателемъ Даниловымъ камеры Волховскаго, посуда, стекла въ окнахъ и въ форточкѣ оказались цѣлы и вообще ни какихъ слѣдовъ ломки, о которыхъ кричали избиватели, не было. По распоряженію прокурорскаго надзора, Волховскій былъ освобожденъ изъ темной въ тотъ же день, часа въ 2. Но и перенесеннаго было довольно въ физическомъ отношеніи, чтобы обусловить дня на три жестокую головную боль. По выясненіи обстоятельствъ этого эпизода, тюремное начальство признало, что Волховскій былъ битъ „по ошибкѣ“.

Избитыхъ, поруганныхъ жертвъ дикаго звѣрства сволокли въ темныя конуры, отравленныя міазмами разложившихся экскрементовъ.

Боголюбова и обвиняемаго Дическуло посадили въ „особые“ карцеры, предназначенные, какъ потомъ объяснили охранители порядка, для дерзостныхъ арестантовъ. Эти карцеры устроены возлѣ котла, гдѣ нагрѣвается паръ для прачечной. Температура тамъ градусовъ въ 30. Она понижается лишь къ разсвѣту, а съ 5 часовъ утра опять идетъ топка и къ 7 часамъ утра уже нѣтъ возможности оставаться въ сорочкѣ. Дическуло снималъ ее и ложился на полъ. Отдыхая такимъ образомъ онъ услыхалъ въ углу шуршанье и предположилъ, что это черви. Когда — уже на пятый день — зашелъ въ карцеръ товарищъ прокурора Платоновъ, Дическуло выразилъ ему свою догадку; товарищъ прокурора зажегъ спичку и въ одномъ изъ угловъ карцера, въ испражненіяхъ, оставшихся, должно быть, отъ арестанта, прежде сидѣвшаго тамъ, увидѣлъ кишащихъ червей. Карцеры темные, вполнѣ закупоренные, не снабжены звонками; приходится звать надзирателей, которыхъ нѣтъ при карцерѣ, стукомъ въ дверь. Коекъ нѣтъ никакихъ. Засадивъ Боголюбова и Дическуло, замкнули двери и бросили ихъ. Они требуютъ, чтобы ихъ водили въ отхожее мѣсто или чтобы поставили „парашки“, но эти требованія не удовлетворяются, вслѣдствіе чего заключенные и были принуждены отправлять свои естественныя нужды на полъ. Калъ сталъ разлагаться отъ искусственно поддерживаемой

высокой температуры и наполнилъ карцеры невыносимымъ смрадомъ. — Когда Боголюбова, послѣ истязанія отправили въ Литовскій замокъ, на его мѣсто былъ посаженъ Циціановъ (осужденный по „Московскому дѣлу“). Дическуло предупредилъ его, что на полу экскременты и цѣлая лужа. И дѣйствительно, невыносимый смрадъ охватилъ Циціанова. Опъ вмѣстѣ съ Дическуло сталъ повторять прежнія требованія; но безуспѣшно. Требуютъ воды, такъ какъ жаръ возбуждаетъ невыносимую жажду, на зовъ не являются и пытаемые просидѣли безъ воды часовъ до 7 вечера. Когда же, наконецъ, ихъ услышали и пришли, принесли кружку, дали отпить немного, замѣтили, что вода полагается въ день однажды и что они черезъ чуръ уже требовательны. Какъ на первый, такъ и на второй и третій день воды давали раза два въ день и кружки не оставляли. Давъ хлѣба безъ соли, сказали, что не полагается соли. Насчетъ повторенныхъ требованій относительно „парашъ“, отвѣтили, что не велѣно ставить „параши“. Ночью съ 13-го на 14-е число пришелъ фельдшеръ; заглянувъ въ фортки дверей, онъ былъ пораженъ смрадомъ и воскликнулъ, что онъ похлопочетъ, чтобы заключенныхъ перевели отсюда, что въ этихъ карцерахъ сидѣть нельзя. По его настоянію имъ поставили въ карцеръ „параши“, но не стали выносить, говоря, что не велѣно ихъ выносить, и не вымели

прежнія испражненія. Между тѣмъ, сосудъ дали небольшой, такъ что черезъ сутки онъ былъ уже переполненъ. Когда вонь стала душить несчастныхъ, то Дическуло вышибъ фортку двери и руками выбросалъ калъ перваго дня въ корридоръ и выставилъ туда же полную „парашу“. Что было невыносимо не только въ карцерѣ, но и въ корридорѣ, это видно изъ того, что надзиратели, принося хлѣбъ, хватались за носы. 15-го числа докторъ зашелъ въ карцеры; но зайдя онъ страшно поблѣднѣлъ, выбѣжалъ и свидѣтельствовалъ заключенныхъ въ корридорѣ; за тѣмъ на минуту онъ снова рѣшился зайти въ карцеры и осмотрѣть внутренность этихъ душегубокъ. По освидѣтельствованіи заключенныхъ, оказалось, что у Циціанова началось лихорадочное состояніе, распухли десны и покрылись какимъ то налетомъ, вѣроятно вслѣдствіе вонючей атмосферы и двухсуточнаго голода. Докторъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы заключеннымъ дали кружки съ водою. Того же числа часа въ 3, Циціанова перевели изъ карцера прямо въ больницу. Дическуло же освобожденъ только 17-го *).

Обвиняемаго Грачевскаго не били, а только замахивались кулаками и посадили въ карцеръ, кото-

*) Поговариваютъ о томъ, что въ 1876 году въ одномъ изъ карцеровъ умеръ отъ побоевъ и ужасныхъ условій одинъ уголовный арестантъ; что дѣло «замяли», но что фактъ могъ быть доказанъ.

рый считается среднею мѣрою наказанія: онъ съ наглухо задѣланнымъ матовымъ окномъ, выходящимъ въ корридоръ (въ наружной стѣнѣ окна нѣтъ). Не только весь пріемникъ ватерклозета этого карцера оказался полонъ изверженій, но ими были измазаны ободокъ пріемника, крышка, даже стѣны карцера. Задыхаясь. Грачевскій попробовалъ дышать лежа, черезъ вентиляторъ; — тяги ни малѣйшей? Тогда онъ оторвалъ деревянное изголовье, ударилъ въ окно и вышибъ его.

Въ подобную же атмосферу былъ посаженъ другой обвиняемый — Фишеръ (его тоже не били), который тоже принужденъ былъ выбить раму, чтобы не задохнуться. Когда туда вошелъ (уже послѣ выбитія окна) товарищъ прокурора окружнаго суда Платоновъ, то съ нимъ черезъ 10 секундъ сдѣлалось дурно.

Поднятый на мужскомъ отдѣленіи шумъ, встревожилъ женщинъ (политическихъ). Къ тому же онѣ узнали, что Боголюбова засадили въ карцеръ; за тѣмъ женщины увидѣли, что на административномъ дворикѣ вяжутъ пучки розогъ. Онѣ догадались, въ чемъ дѣло. Дали звонки и потребовали къ себѣ управляющаго и прокурора для объясненій. Управляющій объяснилъ, что это вяжутъ метлы. Но такому

объясненію повѣрила только одна арестованная, прочія же подняли стукъ и крикъ. Когда же стали долетать до нихъ, какъ онѣ полагали, стоны Боголюбова, то съ большинствомъ изъ нихъ сдѣлались истерическіе припадки. Гейщторъ кричала и металась въ припадкѣ истерики. Болѣзненный крикъ ея долеталъ на мужское отдѣленіе. Съ Вѣрою Любатовичъ сдѣлались конвульсіи, ее долго оттирали. Впала въ истерику Елена Прушакевичъ, Фетисова и др. Больная Марія Субботина стучала и рыдала, сидя на окнѣ. Всѣ надзирательницы въ испугѣ разбѣжались и потому къ женщинамъ были приставлсны надзиратели.

II.

Послѣ перваго взрыва общаго отчаяннаго протеста, вызваннаго вѣстью объ поступкѣ Трепова, послѣдовало затишье. Всѣ утомились, выбились изъ силъ. Но вотъ узнаютъ о томъ, что Дяческуло, Голоушевъ, Волховскій посажены въ карцеръ — и тотчасъ среди стукотни и криковъ раздаются требованія: „Выпускай изъ карцера! Дическуло! Голоушева!“ Такіе взрывы повторялись нѣсколько разъ Въ антрактахъ на дворѣ (изъ оконъ) поднимались толки о положеніи дѣлъ вообще и о томъ, правда ли,

Библиотека ИМЭЛ
411075.

что Боголюбова будутъ сѣчь, или даже высѣкли? Многіе не могли повѣрить чудовищному факту и были убѣждены, что это глупая утка, пущенная для устрашенія. Между тѣмъ еще многихъ свели въ карцеръ. Тогда послѣдовало рѣшеніе: чтобы начальство не могло считать зачинщиками посаженныхъ въ карцеръ, вышибить дверныя фортки, что впрочемъ многіе произвели и безъ общаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, около того времени, когда разносятъ обѣдъ (заказной) т. е. между часомъ и двумя — при общей тишинѣ нѣкоторые ясно услышали стонъ и плачъ съ женскаго отдѣленія. Кто то сказалъ, что сѣкутъ женщину. Тогда поднялся шумъ невозможный. Иные внѣ себя кричали „караулъ“! другіе, схвативъ оконную раму (чугунную), колотили съ размаху въ двери. Всѣ кричали и стучали. Это былъ послѣдній сильный взрывъ накопившагося гнѣва, сознанья переносимой обиды и инстинктивнаго стремленія не допустить совершаться безобразію и подлостямъ. Кромѣ весьма понятнаго истощенія силъ послѣ всего пережитаго, прекращенію шума въ первый день способствовали, между прочимъ, два обстоятельства: обходъ товарищемъ прокурора Платоновымъ тѣхъ изъ арестантовъ, о желаніи которыхъ видѣть его, было ему заявлено, и увозъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ осужденныхъ. Въ этотъ же день вслѣдъ за Боголюбовымъ были увезены: Геллеръ,

Петръ Алексѣевъ, Гуровичъ, Чернявскій, Бибергаль и др. Товарищи горячо прощались съ ними. Изъ женщинъ увезены были тогда же: Николаевская, Шефтель и Н. Субботина. Изъ увезенныхъ мужчинъ трое первые сидѣли въ карцерахъ. По мѣрѣ опрастыванія послѣднихъ, туда сажали новыхъ.

Таковы были главныя событія перавго дня, 13-го іюля. Я ограничился нѣсколькими примѣрами. Всего, повторяю, передать не возможно. Обо всемъ вопіющемъ безобразіи картины можетъ составить себѣ полное понятіе только тотъ, кто все это видѣлъ и слышалъ. И все это происходило не въ глуши, а въ Петербургѣ, въ центрѣ русскаго либерализма! — Какъ отнесся ко всему этому прокурорскій надзоръ, который, по общепринятому мнѣнію, стоитъ неизмѣримо выше полиціи и преслѣдуетъ ея беззаконія? — Слушай читатель:

Между тѣмъ, какъ описанное происходило въ тюрьмѣ, представитель прокурорскаго надзора за точнымъ исполненіемъ „закона“ въ Домѣ предварительнаго заключенія, товарищъ прокурора окружнаго суда Платоновъ, мирно занимался въ зданіи суда. 13 іюля приходилось какъ разъ въ среду, день свиданія. — Дамы, пришедшія на свиданіе съ заключенными, нашли на этотъ разъ ворота тюрьмы запертыми. Встревоженныя за своихъ близкихъ, посѣтительницы отправились къ Платовову справиться —

допустятъ ли ихъ видѣться и что вообще все это значитъ. Платоновъ отправился въ Домъ предварительнаго заключенія и засталъ приготовленія къ истязанію Боголюбова. Вмѣсто того, чтобы взять на свою личную отвѣтственность отмѣну безобразія, онъ предпочелъ не рисковать мѣстомъ и отправился къ прокуратурѣ палаты, которая и распорядилась — не допускать экзекуцій въ Домѣ предварительнаго заключенія *). Заручившись этимъ предписаніемъ, товарищъ прокурора возвратился въ тюрьму какъ разъ въ то время, когда его потребовали на женское отдѣленіе, гдѣ волненіе было въ полномъ разгарѣ. Платоновъ отправился къ женщинамъ и заявилъ имъ, что ничего особеннаго на мужскомъ отдѣленіи не случилось, что сѣчь никого не будутъ — въ этомъ онъ даетъ свое честное слово — что онъ принесъ отъ прокурора палаты бумагу, которою отмѣняется исполненіе этой мѣры. — Но было уже поздно: услужливые палачи Трепова и не думали дожидаться предписанія прокуратуры и Боголюбовъ былъ уже высѣченъ, когда явился Платоновъ съ своей бумагой. И прекрасно! и либерализмъ соблюденъ, и съ

*) Каковы были побужденія къ такой *либеральной* мѣрѣ, лучше всего видно изъ выговора, который, какъ разсказываютъ, Паленъ сдѣлалъ Трепову: «Я ничего не имѣю противъ того, что вы высѣкли Боголюбова; онъ лишенъ всѣхъ правъ и подлежитъ тѣлесному наказанію, но какъ вы смѣли сдѣлать это въ Домѣ предварительнаго заключенія; онъ находится въ моемъ вѣдѣніи!

Треповымъ непріятныхъ столкновеній не вышло.

Въ тотъ же день товарищъ прокурора посѣтилъ кое кого изъ заключенныхъ, но тѣхъ, которые сидѣли въ карцерѣ и добивались видѣть его, не посѣтилъ, а къ спросу потерпѣвшихъ приступилъ лишь часовъ въ 6—7 вечера 14-го числа. Въ этотъ день были выслушаны: Волховскій и Голоушевъ, а также не подвергавшіеся избіенію, но важные какъ свидѣтели, Лопатинъ и Кадьянъ. Имѣя въ виду, что отъ тюремнаго персонала не возможно будетъ добиться правды при ихъ служебномъ положеніи, Лопатинъ указалъ товарищу прокурора на Ковалева, который избитъ сильно и у котораго, навѣрно, есть явные слѣды побоевъ. Г. Платоновъ на это отвѣтилъ: „мнѣ нѣтъ дѣла до Ковалева: онъ осужденный“. Изслѣдованіе 14-го числа этимъ и закончилось. На другой день товарищъ прокурора пришелъ часа въ 4 послѣ обѣда и посѣтилъ камеры только троихъ арестованныхъ, не бывшихъ въ карцерѣ; а въ карцеры такъ и не ходилъ. 17 числа Евгеній Овчинниковъ добился наконецъ свиданія съ г. Платоновымъ и высказалъ ему много горькихъ упрековъ. При этомъ разговорѣ товарищъ прокурора долженъ былъ сознаться, что большинства заключенныхъ въ карцерѣ онъ не видѣлъ, но послѣ замѣчаній Овчинникова сказалъ, что считаетъ самымъ главнымъ посѣтить ихъ, выслушать и осмотрѣть какъ пострадавшихъ,

такъ и помѣщенія. Между тѣмъ, онъ сходилъ только къ Дическуло и Бобкову *), посаженному на мѣсто заболѣвшаго Циціанова. Побывавъ въ карцерѣ, товарищъ прокурора счелъ долгомъ посѣтить вновь Евгенія Овчинникова и Циціанова, описавшихъ ему эти орудія пытки и замѣтилъ имъ, что не слѣдуетъ утрировать фактовъ; что въ карцерѣ нѣтъ никакихъ печей, температура тамъ искусственно не повышается; что тамъ такъ же прохладно, какъ въ любой камерѣ; *что червей онъ, дѣйствительно, нашелъ, но „не много“ — „мелкихъ, бѣленькихъ“, и что это обыкновенная вещь тамъ, гдѣ стоятъ “парашки“*. На вопросъ Циціанова, топился ли прачешный котелъ во время посѣщенія г. Платонова, послѣдній отвѣтилъ: „нѣтъ“; что и было совершенно справедливо, ибо онъ осматривалъ карцеръ въ воскресенье. Кромѣ того температура въ карцерахъ была ниже еще и потому, что передъ посѣщеніемъ товарища прокурора двери ихъ на нѣкоторое время отворялись — не извѣстно, по распоряженію ли предупредительнаго начальства или по личной жалости сторожа къ заключеннымъ. Такимъ образомъ упрекъ товарища прокурора оказался не совсѣмъ основа-

*) Бобковъ — не политическій арестантъ, но причисляемый администраціей къ политическимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался объяснить, отъ кого получилъ № газеты «Впередъ», найденный въ его камерѣ.

тельнымъ; тѣмъ болѣе, что самъ же онъ въ разговорѣ признавался, что приказалъ не затворять форточку карцера Бобкова, ибо тамъ духота и вонь такая, что ему даже сдѣлалось дурно. При вторичномъ разговорѣ съ Овчинникевымъ товарищъ прокурора сказалъ, что въ карцерахъ остались только двое: Дическуло и Бобковъ, да и ихъ скоро выпустятъ. Между тѣмъ въ то время сидѣли еще Семеновъ (Зоровъ), Усачевъ и еще кто-то. Усачевъ сидѣлъ 6 сутокъ и не могъ дозваться ни доктора ни прокурора. Бобкова не только не выпустили въ тотъ же день, но онъ просидѣлъ при прежнихъ условіяхъ еще двое сутокъ! Форточку его двери, по распоряженію Платонова, дѣйствительно открыли, но по уходѣ Платонова явился помощникъ надзирателя Кудасовъ и приказалъ снова запереть ее.

День 14-го іюля начался мирно. Тихо убрали арестованные свои камеры, тихо выпили чай. Справились объ избитыхъ и засаженныхъ въ кутузки. Они не возвращались. Тогда, въ часу десятомъ, начались прежнія требованія о выпускѣ товарищей изъ карцера, сопровождаемыя шумомъ и ломаньемъ дверей. Съ своей стороны начальство принялось за „расправу“. Опять таки не могу описывать ее шагъ за шагомъ; разскажу только эпизодъ съ обвиняемымъ Петропавловскимъ. Нужно замѣтить, что Петропавловскій по лѣтамъ почти мальчикъ, маленькій, ху-

денькій. Это очень добродушный, кроткій человѣкъ, на сколько возмутительны, стало быть, были безобразія, чтобы довести его до крайней, возможной въ его положеніи формы протеста. Тщетно попытавшись выбить ночью форточку, Петропавловскій обратился къ сѣткѣ, прикрывающей стеклышко „іуды". Только что успѣлъ онъ вырвать ее, какъ явился Куриленковъ въ сопровожденіи человѣкъ 10. — „Что вамъ нужно?" спросилъ онъ, стоя за дверью. Петропавловскій отвѣчалъ, что требуетъ выпуска изъ карцера товарищей. Не отвѣчая ничего, Куриленковъ велѣлъ схватить бунтовщика и бить. Одинъ надзиратель схватилъ Петропавловскаго за волосы, двое за ноги и въ такомъ висячемъ положеніи его стащили съ лѣстницы на нижнюю галлерею, по которой и потащили волокомъ. Почти до самого карцера его били по головѣ, спинѣ и груди. Сперва онъ принялся было кричать, но получивъ нѣсколько особенно сильныхъ ударовъ кулакомъ по головѣ, обезпамятѣлъ и только смутно чувствовалъ, что его бьютъ. Карцеръ, предназначенный для Петропавловскаго, помѣщается близъ одной изъ общихъ камеръ. Эта послѣдняя отдѣлена отъ корридора не сплошной стѣной, а массивной желѣзной рѣшеткой на замкѣ. Подобная же рѣшетка съ дверью отдѣляетъ корридоръ отъ лѣстницы, на которую выходитъ карцеръ. Когда Петропавловскаго приволокли

къ рѣшеткѣ, онъ упалъ. Ему велѣли встать, но онъ не могъ. „Такъ вотъ какъ!“ крикнулъ одинъ изъ мучителей, „хорошенько его!“ На Петропавловскаго снова посыпались удары; его схватили за волосы и поставили на ноги. Въ то же время арестанты общей камеры (не политическіе), возмущенные зрѣлищемъ, стали кричать „не бейте!“ „что вы совсѣмъ что ли хотите убить ихъ!“ Посыпалась площадная брань; побои прекратились. Но приведя къ карцеру, несчастнаго втолкнули такъ, что онъ стукнулся о противуположную стѣну головой. Онъ впалъ въ забвеніе и долго не отвѣчалъ своему сосѣду Голоушеву на стукъ послѣдняго.

По показанію неполитическихъ арестантовъ, помощникъ управляющаго Куриленковъ не только распоряжался истязаніемъ Петропавловскаго, но и самъ билъ его по головѣ ящикомъ съ ключами *).

14-го числа посаженъ въ карцеръ обвиняемый Мейеръ — безъ побоевъ. Посаженъ ли и битъ ли въ тотъ же день еще кто нибудь, я не могъ узнать

---

*) Какъ извѣстно, Домъ предварительнаго заключенія составляетъ одинъ изъ цвѣтковъ нашего прогресса: все въ немъ устроено по новѣйшимъ образцамъ и блеститъ лакомъ. Замки чрезвычайно разнообразные и хитрые особой конструкціи, такъ что, дабы пройти по зданію куѣтомъ, нужно до пяти и болѣе дверныхъ ключей; эти ключи сложены въ особый футляръ очень изящной работы, представляющій прочный параллелопипедъ длиною вершковъ пять, соотвѣтственной ширины и толщины и со всѣми ключами, вѣроятно, не въ одинъ фунтъ вѣсомъ. Объ этомъ то ящикѣ и идетъ рѣчь.

достовѣрно. На сколько мнѣ извѣстно, въ карцеръ были посажены въ теченіи всего времени „расправы„ осужденные; Боголюбовъ, Петръ Алексѣевъ, Геллеръ, Ковалевъ, Гуровичъ, Потаповъ, Цицiановъ, Громовъ: обвиняемые: Волховскій, Голоушевъ, Бобковъ, Дическуло, Грачевскій, Мейеръ, Купріановъ, Ѳ. Семеновъ, Петропавловскій, Павловъ, Фишеръ, Усачевъ. Выпускали въ разное время; но такъ какъ, освобождаемые ранѣе (напр. Купріановъ, который даже отказывался отъ пищи) отказывались уходить изъ карцера, если другіе ихъ товарищи осганутся въ кутузкахъ, то ихъ обманывали, говоря каждому порознь, что выпускаютъ всѣхъ.

Предпринимая свою звѣрскую расправу съ беззащитными, тюремщики озаботились отобрать всякое подобіе орудія труда у заключенныхъ, имѣвшихъ разрѣшеніе заниматься ремесломъ въ своихъ камерахъ.

Изъ послѣдовавшихъ при этомъ эпизодовъ упомяну два. У Говорухи-Отрока, помѣщающагося уже давно въ лазаретѣ, имѣлся съ разрѣшенія начальства ножикъ. Въ разгарѣ „баталіи“ пришли къ Говорухѣ Куриленковъ и Кудасовъ за ножемъ. Говоруха сказалъ, что ножъ у Траубенберга. Куриленковъ пошелъ къ Траубенбергу. Траубенбергъ

былъ въ страшномъ бѣшенствѣ и по этому едва не нанесъ удара цо лицу Куриленкову; даже сдѣлалъ движеніе рукой, но сдержался и только прошепталъ „уходите“, показавъ судорожнымъ движеніемъ руки въ плечо Куриленкову дорогу къ двери. Куриленковъ убѣжалъ; потомъ заглядывалъ еще Кудасовъ и тоже убрался моментально. Когда уже дверь заперли и Кудасовъ былъ у форточки, а Куриленковъ внизу въ корридорѣ, Траубенбергъ неистовымъ голосомъ закричалъ: „васъ надо убить всѣхъ, начиная съ васъ и кончая Треповымъ“. — У Сергѣева были инструменты для выпиливанія вещей изъ дерева. Въ самый разгаръ избіенія отпираютъ его камеру и входятъ Кудасовъ съ Куриленковымъ, сзади какой то надзиратель, въ дверяхъ же остановились два гайдука городовыхъ, а въ корридорѣ толпились человѣкъ 5—6 надзирателей. При входѣ у Сергѣева требуютъ инструментовъ; не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вбѣжалъ старшій помощникъ управляющаго Побылевскій съ вопросомъ: „зачѣмъ здѣсь отперли камеру? Что тутъ дѣлаютъ?“ Сергѣевъ отвѣтилъ, что у него требуютъ инструменты, которые онъ уже сдалъ. Это заявленіе Сергѣева смутило даже распорядителей истязаній, они принуждены были укротить на время свои звѣрскіе инстинкты.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти истязанія, въ свою очередь повлекутъ за собою новыя, и въ

наказаніе за „бунтъ“ послѣдуютъ новыя стѣсненія, которые окончательно сдѣлаютъ нестерпимой жизнь арестантовъ. — Въ Домѣ предварительнаго заключенія на окна одиночныхъ камеръ нижняго этажа уже прибиты жестяные ящики, оставляющіе просвѣтъ только въ верху и закрывающіе всю площадь окна; до верхнихъ этажей еще не добрались, но „намордники“ предположено прибить во всѣхъ этажахъ, такъ что отнынѣ окна превращаются въ узкіе колодцы. Когда эти „намордники“ будутъ прибиты на всѣ окна, то заключеннымъ абсолютно не будетъ видно ни двора, ни другъ друга и г. Трепову будетъ предоставлена полная возможность безъ помѣхи срывать свою злобу на комъ угодно, за тѣ безпокойства, какія причиняютъ ему прошенія и жалобы — какъ мужчинъ, такъ и женщинъ — на пищу, прогулки, воровство денегъ администраціей и т. п.

При всѣхъ неистовствахъ надъ заключенными особой ревностью, на сколько возможно было собрать свѣдѣнія, отличались надзиратели: Пацевичъ, Борисовъ младшій, бывшій Петропавловскаго, Обрѣевъ, сѣкшій Боголюбова. Подвиги всѣхъ трехъ младшихъ помощниковъ управляющаго описаны достаточно; одинъ изъ нихъ, Константиновскій, послѣ побоища, усвоилъ еще себѣ видъ побѣдителя, что и выставлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ это, между прочимъ, видно изъ эпизода съ Медвѣдевымъ.

Медвѣдевъ, сильно больной человѣкъ, давно помѣщающійся въ лазаретѣ, которому ежеминутно угрожаетъ разрывъ сердца. 15-го числа, около 2 часовъ дня, въ камерѣ осужденнаго по „московскому дѣлу“ Н. Васильева поднялся шумъ и крикъ. Шумѣлъ Константиновскій. Медвѣдевъ подошелъ къ форточкѣ и спросилъ: что тамъ за шумъ? отвѣта нѣтъ; черезъ минуту явился Константиновскій и ни съ того ни съ сего говоритъ Мадвѣдеву: „успокойтесь, успокойтесь“. Тонъ его показывалъ не желаніе успокоить человѣка, а торжество побѣдителя надъ смѣшнымъ въ его глазахъ побѣжденнымъ. Медвѣдевъ замѣтилъ побѣдителю, что не слѣдуетъ шумѣть въ больницѣ, гдѣ каждый, болѣе или менѣе, требуетъ спокойствія. Тогда онъ, измѣнивъ голосъ, вдругъ спросилъ: „что это вамъ угодно?“ и не дождавшись отвѣта, добавилъ, чтобы Медвѣдевъ съ нимъ не очень то разговаривалъ, иначе будутъ очень дурныя послѣдствія и пояснилъ это, приведя въ примѣръ „расправу“ съ политическими, съ которыми, по его словамъ, расправа была короткая и съ ними не церемонились. Медвѣдевъ гнѣвно предложилъ ему уйти и оставить его, Медвѣдева, въ покоѣ. Тогда Константиновскій пріятно осклабляется и подходя къ развѣшеннымъ у Медвѣдева для просушки крючкамъ, которые онъ работаетъ, начинаетъ: „а это вы что работаете. Это трудная работа? какъ же вы это“?... и проч. „Про-

шу васъ, оставьте меня въ покоѣ", повторилъ Медвѣеевъ. „Крючки, если хотите, можете отобрать, а разговаривать съ вами я не буду". Очевидно, не ожидая подобнаго упорства и видя, что его ласка даромъ пропала, Константиновскій снова перемѣнилъ тонъ. Онъ сталъ внушать Медвѣдеву, что онъ, Константиновскій, можетъ все съ нимъ сдѣлать и потому Медвѣдеву нужно бы съ нимъ ладить, а то онъ и въ карцеръ его можетъ посадить. Медвѣдевъ отвѣтилъ, что это будетъ незаконно. Тутъ Константиновскій окончательно вскипѣлъ: размахивая руками, онъ заявилъ, что „это напрасно", что онъ можетъ „все сдѣлать" съ Медвѣдевымъ, законовъ не признаетъ и на прокурора „плевать хочетъ" (послѣдовалъ плевокъ и растиранье). Что дѣйствительно Константиновскій считалъ себя подъ покровительствомъ Трепова, побѣдителемъ всего міра, это видно изъ того, что онъ дважды нахально вмѣшивался въ допросы, производимые товарищемъ прокурора Платоновымъ, Голоушеву и Павлу Орлову, такъ что, товарищъ прокурора, послѣ тщетныхъ просьбъ не мѣшать ему при спросѣ Голоушева, вывелъ Константиновскаго „на пару словъ" изъ камеры, а допросъ Орлова долженъ былъ прекратить вовсе. Константиновскій былъ за это посаженъ на гауптвахту. Одни говорятъ, что онъ просидѣлъ три дня, другіе — 3 часа, только для формы. Какъ бы то ни было, въ

фактѣ ареста Константиновскаго нѣтъ ничего удивительнаго, ибо здѣсь дѣло идетъ о самолюбіи министерства, а вѣрнѣе — эта комедія преслѣдованія расходившихся палачей предпринята министерствомъ юстиціи въ виду возмущеннаго общественнаго мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какое тамъ самолюбіе у министерства, которое само добровольно подчинило своихъ прокуроровъ мѣстной администраціи ,русскимъ пашамъ? Развѣ не съ согласія Палена и министерства прокуроры не могутъ выпускать изъ тюремъ людей, невинно забранныхъ полиціей и жандармами? Развѣ не Паленъ и его товарищи выработали „законъ“ о правѣ Трепова, Левашева и всякаго русскаго помпадура издавать „обязательныя постановленія“ т. е. объявлять въ осадномъ положеніи мѣстное населеніе?... Такъ къ чему эта игра преслѣдованія за превышеніе власти? Сами поставили Трепова и другихъ хищниковъ выше своихъ „законовъ“, а теперь думаютъ преслѣдованіемъ мелкихъ чиновниковъ и солдатъ успокоить общество, цѣликомъ отданное въ безотчетное распоряженіе всякаго представителя дикаго произвола петербургскаго императорства.

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ

Печатая вышеприведенный, написанный очевидцемъ, разсказъ, мы особенно рекомендуемъ его вниманію тѣхъ нашихъ читателей, которые слишкомъ склонны умиляться надъ жертвами понесенными правительствомъ въ его борьбѣ съ такъ называемымъ краснымъ терроромъ, забывая о несравненно болѣе многочисленныхъ жертвахъ бѣлаго террора, который предшествовалъ красному и вызвалъ его какъ свое неизбѣжное послѣдствіе. Вышеизложенный разсказъ далеко не даетъ намъ maximum'а жестокостей этого бѣлаго террора, но и онъ уже достаточно убѣждаетъ всякаго, что корни русскаго революціоннаго террора лежатъ совсѣмъ не въ политико-соціальныхъ теоріяхъ, какъ проповѣдуютъ публицисты правительства, а въ тѣхъ ужасахъ полицейскаго и административнаго произвола, который съ особенной силой разыгрывался въ тюрьмахъ предварительнаго заключенія. Читая исторію тюремной бойни, о которой онъ повѣствуетъ, и теперь приходишь просто въ отчаяніе, что такія возмутительныя безобразія позорили русскую жизнь и, право, можно бы видѣть нравственное банкротство этой жизни, если бы онѣ не вызвали съ ея сто-

роны никакого протеста. И вотъ, среди общей оторопи, нашлась въ Россіи женщина, которая не перенесла этого позора и своимъ выстрѣломъ въ Трепова рѣшилась заявить, что, какъ она объяснила на судѣ: „нельзя безнаказанно такъ издѣваться надъ людьми“. Правительство отдало ее на судъ присяжныхъ, дабы, получивъ обвинительный вердиктъ (въ чемъ оно не сомнѣвалось) отъ суда общественной совѣсти, сдѣлать такимъ образомъ въ лицѣ его и русское общество соучастникомъ въ своихъ преступленіяхъ. Нижеслѣдующій разсказъ о послѣдовавшихъ за этимъ распоряженіемъ событіяхъ приводимъ въ извлеченіяхъ изъ корреспонденціи очевидца (см. корреспонденцію „изъ Петербурга“ въ журн. „Община“ № 5. 1878 г.).

СУДЪ

„31 Марта собрались судьи, прокуроры и присяжные судить Вѣру Засуличъ... Всякій, въ комъ билось человѣческое серце, невольно обращалъ свои глаза съ надеждой и опасеніемъ на молчаливые двери окружнаго суда. — Что-то будетъ сегодня? мелькало въ головѣ каждаго, и съ разныхъ концевъ Петербурга люди шли на Литейную, становились у суда и ждали. Собирались они съ утра и знали, что судъ кончится не раньше 5 часовъ вечера. Знали, что не только всѣ скамьи залы засѣданій, но и корридоры

суда уже полны ожидающими; знали навѣрное, что имъ не придется проникнуть въ судъ, но всѣ ждали и ждали. Невольно хотѣлось каждому быть по-ближе къ тому мѣсту, гдѣ происходила страшная судебная борьба, и она, дѣйствительно, была страшная. Отъ исхода ея зависѣло многое. Съ одной стороны ген.-адъют. Треповъ — самовластіе, сила, закоснѣлая привычка ко лжи, съ другой человѣческое достоинство и святость геройскаго подвига въ одномъ изъ самихъ чистыхъ его проявленій. Кого же осудятъ и кого оправдаютъ?

Начался судъ, и тамъ — „одно уже голое заявленіе факта и его мотивовъ завоевало всѣ симпатіи для Вѣры Засуличъ. Никто не вѣрилъ показаніямъ Курнеева, повышеннаго Треповымъ за тюремную расправу и лживымъ письменнымъ показаніямъ самого Трепова. Что же касается до Вѣры Засуличъ то, даже фельетонистъ „Голоса“ сказалъ: ей всѣ вѣрятъ!“ — Публика вѣритъ, вѣритъ судъ, вѣрятъ присяжные, вѣрятъ звѣздоносцы, вѣритъ самъ прокуроръ. Ей не вѣрить — кому же тогда вѣрить“.— При такомъ настроеніи слушателей началъ свою рѣчь защитникъ Вѣры Засуличъ адвокатъ Александровъ. „Вся сила его рѣчи заключалась въ томъ, что онъ не защищалъ Засуличъ, а просто выяснилъ фактъ и мотивы его. Онъ понялъ, что самое важное, представить ясно передъ присяжными и публикой нрав-

ственный смыслъ поступка Засуличъ, дать почувствовать всю чистоту и высоту ея побужденій и дѣло его будетъ сдѣлано. Такъ и вышло. Присяжные совѣщались не долго. Мнѣ положительно извѣстно, что войдя въ комнату совѣщаній 8 чел. изъ 12 сразу объявили Вѣру Засуличъ невиновною". — Толпа ждала за дверями суда, и „вотъ оттуда выбѣжала какая-то дѣвушка и прерывающимся отъ радостнаго волненія голосомъ закричала: „Засуличъ оправдана!" за нею появляются и другія сіяющія радостью лица, выходитъ и защитникъ Засуличъ — Александровъ. Огромная толпа подлетаетъ къ Александрову, его берутъ на руки и съ криками торжества несутъ по улицѣ. Но еще болѣе густая толпа стоитъ у воротъ Дома предварительнаго задушенія (заключенія) въ ожиданіи появленія оправданной. Не успѣла она выйти изъ воротъ тюрьмы, какъ нѣсколько человѣкъ разомъ подняли ее на руки, головы обнажились, какъ по командѣ, и громогласное — „да здравствуетъ Засуличъ!" пронеслось по толпѣ. Смущенная и радостная, то улыбающаяся, то закрывающая лицо руками, появилась она среди улицы, и снова раздались громогласные привѣтствія, снова полетѣли шапки въ верхъ. Въ массѣ народа были видны и знаки присяжныхъ повѣренныхъ, и лица извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ и профессоровъ. Но едва только вся эта толпа тронулась отъ воротъ тюрьмы по на-

правленію къ Литейной, какъ по приказанію полковника Дворжицкаго, бывшаго шефа экспедиціи для избіенія арестантовъ въ тюрьмѣ, раздался свистокъ и 40 жандармовъ, перегородивъ путь толпѣ, заставили ее повернуть къ Воскресенскому проспекту. Тутъ скоро подоспѣла приглашенная публикой карета, въ нее сѣла Засуличъ съ одною изъ своихъ знакомыхъ, и толпа тронулась за экипажемъ. Въ началѣ все шло очень gemütlich, публика сіяла и ликовала и даже конвойцы Е. Вел., казармы которыхъ помѣщаются рядомъ съ предварит. тюрьмой, гаркнули ура! въ честь Засуличъ, а нѣкоторые изъ нихъ пробрались къ самой каретѣ — „чтобы посмотрѣть, какое у ися лицо“. — Нѣтъ сомнѣнія, что толпа, удовлетворивъ своему восторгу, разошлась бы благополучно по домамъ, но полиція не могла обойтись безъ провокаціи. Близъ Фурштатской улицы мирное шествіе было внезапно остановлено жандармами и полицейскими. Толпа сгустилась около кареты, жандармы и полиція, расталкивая публику пинками и сабельными ударами, полезла на карету. Произошла свалка; вдругъ раздались три выстрѣла, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ и молодой человѣкъ — Сидорацкій — свалился на мостовую съ разможеннымъ черепомъ. Къ счастію, карета съ Засуличъ быстро уѣхала послѣ этихъ выстрѣловъ и въ самомъ началѣ произведеннаго ими бѣгства толпы, когда

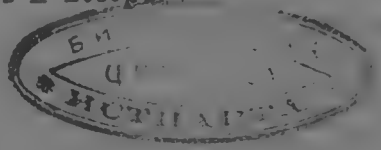
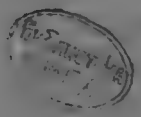
занятая битьемъ и арестованіемъ разбѣгавшейся публики полиція не имѣла времени ее преслѣдовать, и эта поспѣшность и спасла ее отъ когтей жандармовъ".

Приговоръ присяжныхъ былъ встрѣченъ чувствомъ всеобщаго восторга въ Петербургѣ и гласный протестъ противъ него заявили только двое — Треповъ и царь. Послѣдній въ тотъ же день сдѣлалъ визитъ къ Трепову, въ тотъ же вечеръ подписалъ именной приказъ объ арестованіи Засуличъ, которую, однако, не удалось разыскать, не смотря на 5000 руб. назначенныхъ въ награду за поимку ея, четверо присяжныхъ по дѣлу Засуличъ, изъ чиновниковъ, удалены отъ службы и на совѣтѣ министровъ поднялась было гроза противъ самого существованія суда присяжныхъ, которую, вопреки ожиданію, отвратилъ однако, отъ него самъ царь". Авторитетъ же Трепова упалъ такъ низко, что даже окружающіе Александра II стали лягать эту раненную гіену его, и когда послѣ смерти царя и по воцареніи сына его, начали въ попыхахъ создавать „Высочайшую охрану" и выдумали для нея символическіе эмальированные знаки съ золотымъ ободкомъ и надписью: „ЗА ВѢРУ, ЗА ПРАВДУ", эти царедворцы любили разсказывать, что и Треповъ тоже получилъ такой значекъ, но только прочелъ въ немъ не „за вѣру, за правду", а за Вѣру Засуличъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Такимъ образомъ судъ общественной совѣсти торжественно осудилъ режимъ полицейскаго произвола и бюрократическаго самовластія при первомъ же случаѣ, когда ему явилась возможность высказаться и этимъ далъ ясно понять царямъ нашимъ, что спасенія имъ надо искать не на этомъ пути всяческаго беззаконія, а на томъ, который ведетъ къ законности, праву и сближенію съ обществомъ. Нынѣшній молодой владыка судебъ нашихъ, теперь въ этомъ даже и смысла никакого не хочетъ видѣть, но былъ моментъ, когда дѣдъ его разсудилъ иначе, и призвавъ къ управленію самаго либеральнаго изъ слугъ своихъ — графа Лорисъ-Меликова, дозволилъ ему успокоить общественныя волненія реформами въ смыслѣ народосовѣтія. Но страхъ передъ всякимъ рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи, вѣками укоренившійся въ сердцахъ нашихъ самодержцевъ, испортилъ дѣло. „Диктатурѣ сердца“, такъ называли власть, врученную графу, приходилось пробираться между Сцилой царскаго либерализма и Харибдой

царскаго страха передъ нимъ. Поэтому она истощалась въ усиліяхъ и спасать царя либеральными мѣвами и извинять себя за нихъ, передъ нимъ, парадируя ненужною суровостью обращенія съ ополчившимися противъ произвола его чиновниковъ людьми. Послѣднее дѣло графъ могъ дѣлать открыто и тотчасъ же приступилъ къ нему, прочитавъ прессѣ свою нотацію о „мечтательныхъ иллюзіяхъ“ и приказавъ лишить политическихъ ссыльныхъ въ Сибири тѣхъ немногихъ облегченій своего положенія, которыхъ имъ удалось себѣ тамъ выхлопотать; а первое — именно проектъ либеральныхъ преобразованій, составленный имъ въ видахъ умиротворенія Россіи — долженъ былъ держать въ величайшемъ секретѣ, такъ что о немъ совсѣмъ не знали именно тѣ, которымъ болѣе всего о томъ вѣдать надлежало. Мудрено ли, что такая тактика не могла повести къ умиротворенію и что Александръ II былъ убитъ на другой день послѣ подписанія имъ той самой такъ называемой лорисъ-меликовской конституціи, которая при всей своей скромности все таки могла бы еще предотвратить катастрофу, если бы не была тайной для всѣхъ. А между тѣмъ наши реакціонеры и до сихъ поръ все еще ссылаются на это совпаденіе либеральной „диктатуры сердца“ съ насильственной смертью царя, какъ на самое вѣское доказательство того, какъ опасно русскому царю быть либераломъ.

Пора, однако, понять, что несчастіе Александра II заключалось совсѣмъ не въ его либерализмѣ, а въ томъ, что, будучи почти всегда либераломъ по неволѣ, онъ не умѣлъ доводить до конца своихъ реформъ и постоянно страшась собственныхъ начинаній, палъ наконецъ жертвою своихъ колебаній, внушаемыхъ этимъ страхомъ. Истиннаго же царя-либерала, который былъ бы такимъ же цѣльнымъ и послѣдовательнымъ представителемъ завѣтовъ этого направленія, какимъ былъ, напр., Николай I для завѣтовъ обскурантизма — Россія еще не видала. Многіе ждутъ его и надѣются; мы не раздѣляемъ этихъ ожиданій, и, невидя никакихъ признаковъ возможности исполненія такихъ надеждъ, можемъ лишь сказать, что дѣйствительно, только такой царь — рѣшительный и смѣлый реформаторъ — могъ бы быть теперь популярнымъ царемъ въ Россіи, истиннымъ выразителемъ требованій русскаго государства и только жизнь такого царя была бы теперь драгоцѣнной для русскаго народа и общества. Но люди, владѣющіе умомъ и сердцемъ нынѣ царствующаго государя, хотятъ убѣдить его въ совсѣмъ противоположномъ, и вмѣсто того, чтобы посовѣтовать ему ознаменовать первыя же моменты своего правленія очищеніемъ русской земли отъ бюрократическаго произвола во всѣхъ его видахъ и наименованіяхъ и протянуть руку обществу въ лицѣ его представителей, они до

такой степени омертвили своими внушеніями его нравственный смыслъ, что онъ не чувствуетъ даже необходимости прекратить эту сохраненную у насъ для русскаго крестьянства позорную практику тѣлесныхъ наказаній, которая такъ безславитъ Россію въ глазахъ всего образованнаго міра и противъ которой поднимаются теперь негодующіе голоса людей всѣхъ сословій даже изъ самыхъ темныхъ трущобъ нашей родины! И вотъ думая сдѣлать изъ Николая II второго Николая, приближенные царя, пользуясь его молодостью и неопытностью, въ сущности приготовляютъ изъ него только новую жертву той иронiи исторiи, смыслъ которой въ томъ, что люди ищутъ добра и чести тамъ, гдѣ они могутъ обрѣсти только гибель и позоръ.